

Елена Чуковская: «ВРЕМЯ ДОЛЖНО ЗАПЕЧАТЛЕТЬ СЕБЯ В СЛОВЕ...»

Чужависимая газета. Никто не пишет биографии Чуковского — 1999. — 15 тома 8 — е. 9/12

ЕЛЕНА ЦЕЗАРЕВНА, вам никогда не хотелось пойти по стопам деда, матери, отца, наконец, — Цезарь Вольпе ведь был известным литературоведом, занимался в том числе Блоком, Белым, Зощенко?

— Ни одного дня. А вот химия тогда, в 1949-м, — это было совсем не то, что я видела и слышала дома с утра до вечера... Хотелось чего-то понятно-полезного. И только когда на меня обрушилась необходимость заниматься архивами семьи, я пожалела, что в свое время не получила хорошего филологического образования. Хотя помогать деду и матери (отец пропал без вести в блокаде Ленинграда) начала еще в 60-е. Начиная с 1965 года и до высылки в наш дом часто бывал Александр Исаевич Солженицын.

— Солженицын просил вас собирать материалы?

— Нет. Но я знала этих людей, приходивших к нему за поддержкой и пытавшихся отстоять его, эти газеты с публикациями лежали у нас на столе, перед глазами. К 50-летию Солженицына сборник был составлен очень быстро и потом долго ходил в самиздате. А в 1974-м без ведома Александра Исаевича и тем более моего частично вошел в одно из зарубежных собраний сочинений Солженицына. И теперь полностью, без изъятий, с предисловием Лидии Чуковской вышел на родине — к 80-летию писателя.

— С тех пор как вышел дневник Чуковского, о нем много писали и говорили. Иногда очень критически. Вы также следили за откликами?

— На все упреки я отвечаю, что до сих пор я не получила ни одного предложения от издателя на публикацию дневника полностью. В основном ведь критиковали за сокращения. Я по неопытности очень тщательно отметила их, но эти сокращения были обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, подготовка рукописи — а это было множество

тетрадок — начиналась еще тогда, когда было ясно, что многое придется опустить из-за цензуры: о Гумилеве, Замятине, Ходасевиче, даже имя Лидии Корнеевны нельзя было упоминать. Во-вторых, предполагалась только одна первая часть, потому что многие из упомянутых позже были живы — тогда еще было не принято задевать живых людей. И наконец, сам Корней Иванович пишет в дневнике, что не нужно слишком интимничать с читателем. Он имел в виду мелочи жизни: что ел, как спал. А все думают, что за сокращениями скрыто что-то очень важное. На самом деле все общественно-значимое, включая моменты крайне невыгодные — например, восхищение Сталиным или ядовитые замечания в адрес каких-то известных людей, — я сохранила. Но и это тоже многим не понравилось. В 1921 году Корней Иванович после доклада Китаиста Василия Алексеева на заседании коллегии «Всемирной литературы» назвал его в дневнике «желтой опасностью»... Я получила очень обиженное письмо от дочери Алексеева: «Вот вы так много сокращали, почему же не выкинули колкости про моего отца, замечательного Китаиста?»

— Что это будет за дневник, если ему вырвать все зубы?..

— И что это будет за время? Я убеждена, что время должно запечатлеть себя в слове. Таким как есть, со всеми подробностями, даже если это кому-то не нравится... Но во втором томе были и сокращения иного рода. Например, в то же время, когда я готовила дневник, Лидия Корнеевна писала свою книгу «Прочерк» (пока неопубликованную) о том, как она, девятнадцатилетняя студентка, была арестована и выслана в Саратов. И она попросила, чтобы никакие упоминания об этой истории — а они были в дневнике Корнея Ивановича — не публиковались прежде, чем увидит свет ее рассказ. Сейчас глава о Саратове из «Прочерка» выхо-

Елена Цезаревна Чуковская — внучка Корнея Чуковского, дочь Лидии Корнеевны. Химик, ученица академика Несмеянова, автора трудов по «сэндвичевым» соединениям. Более 30 лет проработала в НИИ «Элементарноорганических соединений». Хранитель и публикатор архива двух поколений литературной семьи. Готовила к печати двухтомный дневник Чуковского и «Чукоккалу». Совместно с Владимиром Глоцером составила сборник статей о Солженицыне «Слово пробивает себе дорогу» (подробно о сборнике см. «EL-НГ» от 10.12.98).

дит в журнале «Звезда», а в качестве приложения к нему — соответствующие места из дневника Чуковского.

Дневник Блока, например, тоже ведь опубликован не полностью, но пропуски не указаны. То же самое — первые издания дневника Суворина.

— Кроме претензий к вам, на мой взгляд, несправедливых, есть еще и, скажем так, претензии к автору дневника. Личность Чуковского вырисовывается очень непростая. Добрый дедушка Корней — и желчный, язвительный критик. Подобострастный прислужник властей... Детский поэт, который начинал как критик — или критик, который спрятался от цензуры в детскую поэзию? Каким видели его вы?

— Спрятался — это неверно, хотя он сам так говорил. Все его занятия проходят сквозь всю жизнь. Еще в 1911 году в журнале, кажется, «Нива» он напечатал обращение с просьбой присылать письма обо всем, «что вас удивит в своем или чужом ребенке». У него накопилось колоссальное количество родительских писем — на их основе писалась книга

«От 2 до 52». Потом он обнаружил, что словотворчество футуристов строится по тем же законам, что и детское. Начал писать о языке — отсюда пошла книга «Живой как жизнь»... И так далее. Он шел, широко разбрасывая шаги, но не теряя направления. Называл себя легкомысленным, но в нем не было ничего приблизительного. Меня поражала в нем одержимость литературой и универсальность познаний. Глубоких, доскональных. Бранным словом у него было «полузнайство».

— Вы считаете свою миссию публикатора выполненной или мы еще увидим дневник полностью?

— В науке принято считать главным признаком признания работы — индекс цитируемости, а не похвалы или ругань на ученом совете. С этой точки зрения с дневником Корнея Ивановича все обстоит очень хорошо — его читают. С тех пор не вышло, во всяком случае, я не встречала, ни одной работы по истории литературы этого периода, где не было бы ссылок на дневник Чуковского. Используют сведения, попутные оттуда, полемизируют,

комментируют, просто цитируют. Так что с дневником, я думаю, все в порядке.

— А с «Чукоккалой»? Она ведь тоже вышла с большими сокращениями.

— Сейчас я готовлю «Чукоккалу» в полном виде — это будет 2 тома: факсимиле рукописного альбома и целый том расшифровок и комментариев. Полное факсимильное воспроизведение, включая всякую случайную белоберду и даже пустые листы, — я уже пожалела, что согласилась на такое решение... Непонятно, как организовывать этот хаос домашнего альбома, чтобы его можно было прочитать, — 630 страниц, заполняющих без всякой системы, записи на 15 языках, в том числе на армянском, на готском... И все это нужно набрать на компьютере. Работа идет с 1994 года, с тех пор издательство «Четыре искусства», ее заказавшее, развалилось. Теперь готов оригинал-макет, идут переговоры с новым издателем.

Потом письма. «Терра» сейчас готовит Полное собрание Чуковского, там намечаются тома писем — которых у меня две полки. В этом году в издательстве «Наука» выходит том полной библиографии Чуковского — это 400 страниц мелкого шрифта: критика, публицистика, некрасоведение, переводы... Но все равно, что бы там ни было, его воспринимают прежде всего как детское поэта, автора сказок...

— На которых выросло два поколения... Наверное, и вы тоже?

— Конечно, хотя когда я была маленькой, меня подозревали в том, что я люблю стихи Маршака больше, чем Чуковского...

— Недавно вышла книга Эфроимсона «Генетика и гениальность». Там выделено 5 генетических признаков гениальности, и вот Чуковский идеально подходит по всем пяти...

— Да-да, он мне звонил и долго расспрашивал: какой был рост, размер рук, ног и все такое...

(Окончание на стр. 12)

Елена Чуковская: «ВРЕМЯ ДОЛЖНО ЗАПЕЧАТЛЕТЬ СЕБЯ В СЛОВЕ...»

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Вы не знаете, кто-нибудь пишет биографию Чуковского?

— Нет, я бы знала. Вы знаете, что интересно — никто не занимается Чуковским. У меня полностью готова к публикации его переписка с Репиным. Это более 100 писем, которыми, по существу, должны заниматься искусствоведы. Но нет, никто. Я же стараюсь следить за текущими публикациями о Чуковском. И что? Рекламное объявление: эротический театр поставил спектакль по «Мухе-цокотухе»...

— А вы сами не пишете мемуаров?

— Я ничего абсолютно не пишу. Я постоянно листаю указатели, тасую бумажки...

— Не обидно? Ведь можно сдать рукописи в госархив и заняться собой.

— Нет. Жизнь всегда выбор. Я

его сделала и уже много не представляю... А вы себе представляете, что такое госархив? После смерти Корнея Ивановича я взяла отпуск на полгода, чтобы разобрать бумаги и передать государству. Нельзя народное достояние держать у себя — так я считала тогда. И начала передавать государству, то есть в рукописный отдел Библиотеки имени Ленина... Я люблю Ленинку, еще учась в школе, ходила туда заниматься — в нашей квартире жили 11 человек! Но что сейчас... Рукописный отдел — это вообще катастрофа. Сняли одну заведующую, другую, их сменилось шесть, отдел долго лихорадило. Теперь он закрыт вообще, сотрудникам не платят, по хранилищу ходят в сапогах, по колено в воде, с потолка течет, нет отопления... А рядом бьющая в глаза роскошь подземного комплекса на Манежной площади...

— Елена Цезаревна, все-таки горят рукописи или не горят?

— Вот вам история. В «Чукоккале» был один лист с автографом Блока, которым необыкновенно дорожил Корней Иванович. Блок там, отвечая на вопрос о звукописи, пишет: «Я не умею заставить себя вслушиваться, когда чувствую себя схваченным за горло, когда ни одного часа дня и ночи, свободного от насилия полицейского государства, нет...» Этот лист был в 80-е годы — период обысков — мной из «Чукоккалы» вырван и в папке вместе с автографом Гиппиус и материалами о Солженицыне заложен к знакомым. Причем, по правилам конспирации, прятала не сама — мне казалось, что за мной следят, — а попросила мамину помощницу. Она унесла к своим знакомым и совершенно потом забыла, к кому. И когда в 1989 году в

журнале «Наше наследие» шла публикация ранее запрещенного из «Чукоккалы», меня попросили принести этот лист. Я три года искала следы и думала, что уже не найду никогда. Потом издательство «Четыре искусства» просило меня найти этот лист — какая же без него факсимильность? И вдруг звонит журналист с НТВ некто Алексей Ивлев — совсем мне незнакомый, молодой — и говорит, что у него есть какая-то папка с почерком Солженицына... Я приезжаю — та самая! Спрашиваю, как она к ним попала. Оказывается, отец его жены уехал в Америку, а квартиру оставил дочери. Переехав в квартиру отца, эта девочка стала делать уборку и — нашла папку. Муж-журналист почитал, сообразил и разыскал меня. Так что не горят.

Беседовала Анна ВЕРБИЕВА